

Родилась в феврале 1991 года в г. Ставрополь, Ставропольский край, здесь же и проживаю на данный момент. Поэзией занимаюсь с детства, но осмысленно и серьёзно — начиная с 2010 года. Вдохновляюсь психологией, эзотерикой, метафизикой, природой, а также человеческими душами и характерами. Часто пишу в жанре «мнимая проза».

Обратная связь: почтовый ящик leshenko.darya@bk.ru

Ты уедешь в Ригу, уедешь в Таллин, ты найдёшь знамение на вокзале. Все друзья, что были, но не спасали, вспомнят, как ты дорог после "Прощай". Ты построишь домик лицом к озёрам, станешь жить без бункера и забора, приручишь дух леса, прозвав Авророй, возвратишься сердцем к простым вещам.

Заплетёшь в запястья лучи и блики, будешь петь лисе, воробьям, бруснике старый блюз о солнечных, ярых, диких пилигримах, странниках синева. Ты услышишь землю, огонь и праны, словом, лучше Библии и Корана прочитаешь мир, что смертельно ранен, но настойчив в жажде дышать живым. Тебе вверят тропы в рассветной дымке — проходи селения невидимкой, избегай постои, колдовство, поимку, будь всегда ни с кем, улыбаясь всем. Ты уйдёшь к порталам и перекрёсткам, забывая жизнь с потолком в извёстке, где душа на белом казалась броской, как огонь, запаянный в бирюзе. Обретёшь дорогу, язык, науку слышать всё неслышимое за звуком, знать, что все едины и вне друг друга, но легко друг к другу не прирасти. На брусчатке, в поле, на горном кряже — ты повсюду будешь искать себя же, и никто, любовь моя, не расскажет, отчего ты нежность, но и тротил. Ты воздвигнешь мост над земной рекою, ты поймёшь и высшее, и мирское, но во всех мирах не найдёшь покоя, причащённый грустью меж лунных фаз.

Я ведь тоже (нежностью и тротилом начинённый) строил дома и силу. У меня сто раз уже это было.

Но ни разу не было
просто
нас.

Вместо хлеба и вин он приносит домой слова,
выставляет на стол, заполняет шкафы и углы.
Стоит свет их сплотить, и они начнут оживать:
космос, сердце, степная полынь.

Можно даже придумать рассказ, запирающий страх,
сочинить себе вечность. Но все его ближние вдруг
начинают смотреть на него уже как-то не так.
Осуждающе. Хм, драматург.

Он знакомит слова с этим миром: "Не бойтесь людей,
никаких злых времён, равнодушия и огня.
Не хочу вас калечить, но что бы я ни хотел —
бойтесь только меня".

То неправда - он всех защитит, отогреет в листах,
окунет в лучи лампы, укроет в форзац, как в плед.
Познакомит с семьёй их, те, ёрзая на местах,
улыбаются. Хм, поэт.

Он спокойно твердит: "Если мысли в слова облечь,
то Вселенная внемлет, придёт в каждый дом на постой".

Все молчат, потому что он забирает их речь

и делает не пустой.

Мы не просили этой музыки, Отец,
как и помоста, свет гирлянды, пианиста,
хорал ветров, входящий в нас со свистом.
Мы не избрали жизнь по крепости сердец,
и нам не выдали паёк, причал и тыл.
Инструктор не крепил нам парашюты.
Здесь приземлившийся скучает по кому-то,
кто мог не прыгнуть и чей грог давно остыл.
Мы не просили этой музыки, диджей,
но, каждый раз, идя по улице без цели,
я чувствовал, как ржавые качели
во мне взмывали до небесных этажей.
Лишь стоило поймать вокал и бридж,
когда весь мир застыл сверхчутким меломаном.
Я не хотел бы знать тоску по дальним странам,
по звёздам, из чьих тел ты состоишь,
печаль по голосу, что слов не произнёс,
и по руке, меня не смеющей касаться.
Танцуй без нас, ведь здесь никто не любит танцев,
ряд одиночеств приглашая на помост.
И пусть стоим в тёмных углах, и нас трясёт
от звука длиной в жизнь, из поднебесной,

Мы не просили этой музыки, но песня
моя любимая.

Дослушаю.
И всё.

Человек просыпается, будит свою тоску,
 разбивает часы, разрывается напополам,
 одна из частей идёт наливать кипятку,
 вторая лежит, притворяясь, что умерла.
 Ну ладно, чёрт с ней, надеваем улыбку и плащ,
 тошноту заперев в рюкзаке, в самый дальний отдел.

Человек выползает из дома на запах удач,
 говорит и смеётся, скрывая, что заболел
 тысяч пять дней назад, сырой, несчастливой весной,
 может быть, подхватил инфекцию от суеты,
 может быть, его людям сделалось всё равно,
 из чего он подлажен: золота или руды.
 Может, просто он шёл домой и упал в кювет,
 не нашёл ни одной причины и пользы быть.
 Сколько нам говорили: "Ты должен, ты должен".
 – Нет.

Человек устаёт от огня, от воды и трубы,
 он никак не доходит до мест, нарисованных сном,
 никогда не бытует мечтой, не летает на Марс.
 Может, сердце не знает, что поле предрешено
 и зовет игроков (а мы молимся, чтоб не нас).

Человек-половина выходит к трамвайным звонкам,
 равнодушным глазам подставляя пустое лицо.
 Я смотрю ему вслед
 высоко, высоко в облаках,
 но к его возвращенью опять притворюсь мертвецом.

Если я научусь молчать настоящим большим молчанием,
 где ни письма, ни речи, ни лирика мне не знакомы,
 кто расскажет тебе, что ребёнок поёт на причале
 и к нему прилетают драконы?

Кто расскажет, что ветер — душа, просто фактом объятий,
 вот, почувствуй, он здесь, твою спину собой укрывает.
 А ночами мечты замирают у наших кроватей,
 проверяют — живой-живая.

А о том, что все мёртвые звери летят на север, души павших становятся пульсами новых галактик, а увидеть, как битум дорог пробивает клевер круче физик и математик.

Если я научусь бесчувствовать, льдом обрастая, запасусь разрушительной скопленной злостью, кто покажет тебе, что любовь до сих пор святая, даже если ломает кости?

Кто покажет, что плакать не стыдно огнём опалённым, улыбаться находке всем вечно искавшим ответы.

Если я перестану, то кто тебе скажет бессловно: ты — тот самый ребёнок, что всё ещё ждёт драконов из созвездия Андромеды.

Одевайся теплее, мы выйдем с рассветом и пойдём мимо статуй промёрзшей реки, мы пройдем по болотам, где древние веды выступают на ветках то лип, то ольхи. Ничего не бери, кроме карт и картошки, кроме солнечных помыслов, лёгкой души. Скоро к югу проступит созвездие Кошки (я придумал, признаюсь — тебя рассмешить).

Будет город, в котором скамейки, кофейни, полки с книгами прямо на стенах капелл, здесь беспечные жители кормят оленей из ладоней, мужчины не держат прицел, дети спят в гамаках на разросшихся кронах, и война не крадёт их спокойный полёт. Мы останемся на ночь, а после — перрон и мост над пропастью, ели, заснеженный фьорд. В старом моно, в купе мы напьёмся настойкой с тонким привкусом памяти, лета и смол. Ты, светясь, будешь грезить о доме с пристройкой, где весь кофе и снег — только крупный помол, где в гостиной среди деревянных панелей набросаем подушек и пледов, и книг. Поезд мчится, метель между рельсами стелет, ветер гонит небесный китовый плавник. Не уснув длинной ночью, мы выйдем у бухты, в этот час она станет границей бран. Ты заметишь, что профиль мой с каждой минутой всё прозрачнее, виден сквозь лоб океан. Мы оставим друг другу венки из акации, обещание вечности, запах травы.

А потом нас вернут в наши реанимации, по отдельности, в жизнь, к чёрно-белым живым.

